

ЦЕНТР ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА
КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВУ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
ЮБИЛЕЙНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«ГОРОДА УРАЛА
В КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»,**

ПОСВЯЩЕННОЙ 80-ЛЕТИЮ
КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

ЧЕЛЯБИНСК
1993 ГОД

Издание подготовлено по решению методического совета
Центра историко-культурного наследия города Челябинска.

С о с т а в л е н и е — Иванова Э. Б.

Р е д а к т о р — Тимошенко А. М.

О т в е т с т в е н н а я з а в ы п у с к — Крупская Т. В.

В настоящий сборник тезисов научной конференции «Города Урала в контексте русской культуры» вошли материалы, хронологически охватывающие период истории Урала XVIII - XX веков. Тематика публикуемых материалов отражает историческое прошлое крупных городов Урала: Челябинска, Екатеринбурга, Оренбурга, Кургана, Троицка, Шадринска.

О ГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ В ДОМОСКОВСКИЙ ПЕРИОД

Славянское заселение среднего течения реки Вятки началось во второй половине XII— начале XIII века. В середине второй половины XIII века ранее разобщенные волости объединились в единое государственное образование — Вятскую землю и сообща выстроили свою столицу — г. Вятку (Хлынов). А самыми древними городами края были Никулицын и Котельнич (последний располагался первоначально на Ковровском городище). В XIV веке возникает Орлов, в конце XIV—XV в. — Слободской. Вятская земля стала одной из вечевых республик, в рамках которой консолидировались выходцы из различных русских областей (включая ослабленных финнов) и местные удмурты. Пестрый этнический состав населения не мог не сказаться на особенностях культуры Вятского края. Основными источниками при решении вопросов истории культуры Вятского края XII—XV веков являются данные археологии.

Пришельцы несли с собой культуру и идеологию с мест прежнего своего проживания. Христианство еще далеко не завладело мировоззрением бывших язычников, а вовлечение в состав древне-русской народности представителей неславянской культуры еще более сдерживало восприятие православных догм, продлевая период двоеверия. Поэтому далеко не случайно на древнерусских поселениях Прикамья находят финские и славянские украшения и бытовые вещи с языческой символикой. Так, находки подвесок в виде уток, привески-лапки, гончарные клейма с изображением птичьих лапок (Никулицын, Коврово, Хлынов) свидетельствуют о культе водоплавающей птицы — прародительницы земли и солнца. Знак гусиной лапки выполнял еще и охранные функции. Обнаруженная в Никулицыне накладка с изображением летящего орла со зверем в когтях соотносится с мотивом превращения в удмуртском фольклоре, выступая порой предвестником несчастья. Орел лежит и в основе названия воршудно-родовой группы кушья. На Вятке найдены и подвески в виде двухголовых коньков. Культ коня символизировал у финно-угров солнце и воду, восходя к

еще более ранним представлениям о коне как покровителе рода, а также проявлялся в аграрной магии при жертвоприношении животному. У славян этот культ имел место в аналогичных сферах духовной жизни. По мнению Е. А. Рябинина, верования, связанные с конем, более всего сближают мировоззрение славян и финно-угров. Поклонение солнцу в виде всевозможных солярных знаков было также присуще вятчанам. Амулеты из клыков, зубов и астрагалов призваны были оберегать их владельцев от различных несчастий.

Предметами славянского язычества являются следующие находки: фигурка Перуна (Хлынов), стилизованное прорезное изображение человека (Никулицын), привеска-ложка — символ благосостояния (Вятка), привеска — лезвие топорика — оберег воина (Никулицын); кремневые «громовые стрелы», отводившие от владельцев грозы, пожары, болезни (Хлынов, Вятка, Никулицын, Котельнич), амулет-змеевик XIV века с языческой и христианской символика — яркий памятник двоеверия. Любопытно, что языческая атрибутика проявилась даже в оформлении православных крестов-тельников: форма ранних изделий (концы-трилистники), орнамента на более поздних крестах (плетенка, змеиная композиция, растительные мотивы). Языческая идеология нашла существенное отражение в погребальной обрядности, особенно в сельской местности: кремирование покойных, размещение могил в виде веера вокруг возможного языческого капища или храма, могилы-кенотафы, погребения волхвов (Еманаевский могильник); угольки, обломки керамики, кальцинированные косточки в засыпи могил (Покста). Однако подобные элементы зафиксированы и в городских некрополях: парные захоронения, положение отчлененных черепов в могилы других умерших, расчлененный костяк (Шабатинский могильник близ Ковровского городища); уголь в одной из могил, погребение волхва, сведения об инвентаре в одном погребении (Никульчинский I могильник).

До конца XV века язычество и православие вполне мирно уживались на Вятке, чему способствовали изолированность и демократические традиции Вятской республики. Если верить посланиям митрополитов второй половины XV века, осуждавших различные прегрешения вятчан (многоженство, браки с неправославными, нарушение монашеского пострига и др.), можно вполне допустить бытование здесь одного из еретических течений христианства. Лишь после 1489 года началось серьезное искоренение язычества.

О постепенном внедрении православия в сознание вятчан говорят многочисленные находки нательных крестиков, энкол-

пионов, иконок и образков. На вятской земле имели широкое распространение культы Бориса и Глеба, Георгия Победоносца, Николы Можайского и Никоты Великорещского (XII—XV века и в более позднее время), что нашло отражение в почитании посвященных им церквей, икон, крестных ходов. К сожалению, практически не исследованы православные храмы этого времени. Единственным исключением являются остатки небольшого по размерам сооружения (ок. 7×4 м), окруженного канавками от изгороди, которое размещалось на кладбище и могло быть часовней или церквушкой (комплекс селище-могильник Покста). Однако к городской культуре оно отношения не имеет.

Просвещение и письменность на Вятке, как и в целом на Руси, были напрямую связаны с церковью. Материальными признаками грамотности горожан являются находки трех металлических писал XII—XV веков и декоративных изделий, похожих на застёжки от книг (Никутицын, Коврово), а также актов печатей, которыми некогда скреплялись юридические документы (Коврово, Шабалино). Сохраняется надежда и на обнаружение берестяных грамот в Хлыновском кремле и на посаде, почвенные условия в которых сохраняют органику. Памятников письменности XII—XV веков пока не выявлено, однако текст «Повести о стране Вятской» (по спискам XVIII века) говорит о знакомстве ее автора с общерусским и местным летописанием. Обнаружены некоторые свидетельства музыкальной культуры, в частности, простейшие музыкальные инструменты (фрагмент сопели, костяная и глиняные свистульки, погремушка, колокольчик), которыми могли пользоваться и скоморохи, и обычные горожане как в будни, так и по праздникам, например, во время полужыческой «свистуни» («свистопляски»). Игровая культура представлена детскими игрушками (миниатюрная посуда, «хлебцы», шарики, свистульки, погремушка, обломки глиняных кукол) и настольными играми (найдены отдельные шахматные фигуры, шашечная пешка, игральные фишки и кости; карты впервые упоминаются в источниках XVII в.). Последние были присущи, как показывают находки, лишь городскому населению (Никутицын, Хлынов, Орлов, Слободской, Коврово-Котельнич).

В заключение отметим, что корни многих вятских обрядов и праздников также явно связаны с домосковским периодом истории Вятской земли. Вятский фольклор обязан своим происхождением не только Новгородской, Ростово-Суздальской, Нижегородской, Двинской, Устюжской или Московской землям, но во многом сформировался уже на местной вятской базе и несёт в себе как русские, так и удмуртские традиции. При этом хранителем его на

равных с сельским населением оставались и горожане из числа ремесленно-посадского населения. Интеллектуальный слой вятчан сохранял и развивал преимущественно традиции письменной культуры, приобщаясь, вероятно, и к ее мировым достижениям. Вряд ли эта прослойка городских жителей была многочисленной, ибо она состояла, по-видимому, из представителей правящей верхушки (боярство, купцы, житейные люди) и священнослужителей. Последние, безусловно, играли ведущую роль и в деле просвещения, и в области литературного творчества, о чем мы, к сожалению, можем судить лишь по дошедшим до нас бесценным крупницам.